

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Представленный на суд читателя постатейный комментарий является вторым в начатой в 2017 году издательствами «Статут» и «М-Логос» серии комментариев к гражданскому законодательству #Глосса. Первая книга в этой серии была посвящена общим положениям ГК РФ о договорах и обязательствах и вышла в начале 2017 г.¹ Данная же книга посвящена нормам ГК РФ о сделках и их недействительности, представительстве, сроках и исковой давности (ст. 153–208 ГК РФ).

Какова концепция данной книги?

В современных условиях трудно представить себе применение любого кодифицированного акта без постатейных комментариев, написанных экспертами в соответствующих областях права и позволяющих сориентироваться в основных положениях кодекса. Такой научно-практический формат юридической литературы характерен для многих европейских стран (например, Германии, Франции, Швейцарии) и пользуется широким признанием у практикующих юристов, нотариусов, судей, студентов и ученых.

В России также издается достаточное число постатейных комментариев к различным кодексам, но многие из них (хотя, безусловно, не все) страдают в той или иной мере рядом существенных недостатков. Во-первых, в них очень часто не представлена полностью судебная практика высших судов по толкованию соответствующих статей кодекса. В то же время без учета правовых позиций высших судов понимание реально действующего российского права («права в действии», а не «права в книгах») и его практическое применение крайне затруднено. Во-вторых, такие комментарии нередко не ставят себе задачу вскрыть и осветить основные проблемные и неоднозначные вопросы, противоречия и ошибки внутри текста кодекса, пытаются, скорее, сгладить или обойти острые углы, а то и вовсе содержат простой пересказ комментируемой нормы другими словами. В результате у юристов, читающих такие комментарии, не возникает понимания всего спектра проблем и вопросов, с которыми они могут столкнуться впоследствии в рамках правоприменения. Эти недостатки снижают практическую и научную ценность таких комментариев для юридического сообщества. Сказанное за рядом исключений относится и к издаваемым в России постатейным комментариям к ГК РФ.

В рамках серии #Глосса мы попытались создать серию критических комментариев, отличающихся от того, что печаталось в России за последние годы, а именно

¹ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017.

комментариев с акцентом на максимально широкий обзор судебной практики высших судов по всем актуальным вопросам толкования законодательных норм и выявление наиболее острых, неоднозначных и проблемных вопросов толкования и применения соответствующих норм. Авторы настоящей книги не пытались избегать сложных вопросов, а, наоборот, делали на них акцент, выявляя противоречия и неясности в тексте Кодекса и предлагая варианты решения возникающих проблем. Юрист, изучивший настоящий комментарий, по задумке авторов, должен получить представление об основных подводных камнях и проблемах, учет которых необходим для любого практикующего юриста или судьи.

При этом в центре внимания настоящего комментария оказались нормы ГК РФ о сделках, представительстве, сроках и исковой давности (ст. 153–208), т.е. то проблемное поле, которое находится в рамках научных интересов участников авторского коллектива. В авторский коллектив вошли как известные ученые, так и ряд молодых цивилистов, написавших комментарии к статьям по профилю своих научных интересов.

От лица ответственного редактора хочу сделать несколько важных замечаний, позволяющих лучше понять те методологические установки, которые разделялись коллективом авторов.

Во-первых, авторы не ставили себе задачу подготовить обзор всей судебной практики применения соответствующих норм и сконцентрировались на разборе и систематизации судебной практики высших судов (прежде всего ликвидированного в 2014 г. Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховного Суда РФ и отчасти Конституционного Суда РФ). Анализ практики нижестоящих арбитражных судов и судов общей юрисдикции был бы непосильной задачей и привел бы к выходу объема и без того обширной книги за все разумные пределы. В то же время юристам, желающим глубже разобраться в соответствующей проблематике, рекомендуется проводить дополнительные исследования судебной практики по интересующему вопросу. Благо современные электронные справочные системы открывают для этого все возможности.

Во-вторых, авторам по тем же причинам, связанным с поиском баланса между глубиной и широтой исследования, пришлось отказаться от идеи отразить в комментарии обзор научной литературы по соответствующим вопросам. Полноценный доктринальный обзор и систематизация взглядов ученых на те или иные проблемы толкования соответствующих статей ГК РФ были признаны избыточными в контексте формата постатейного комментария. Это несколько не означает, что авторы недооценивают важность накопившегося научного багажа и проигнорировали наработки других исследователей.

В-третьих, авторы едины во мнении, что в условиях российского частного права, в рамках которого большинство проблем либо вовсе не изучено, либо изучено крайне поверхностно, особую научную ценность имеет качественный компаративный анализ с акцентом на опыт ведущих континентально-европейских и англосаксонских правовых порядков. Такой компаративный анализ ни в коем случае не должен завершаться слепым копированием выявленных зарубежных образцов; он предполагает критическое осмысление опыта ведущих зарубежных правовых порядков и взвешенный подход к рецепции соответствующих решений.

В то же время в рамках настоящего комментария представить такой компаративный обзор, который, безусловно, значительно обогатил бы комментарий, не представлялось возможным. С одной стороны, в силу той же ограниченности предельного объема книги. С другой – в силу того, что проводить такой анализ на достаточно высоком уровне желательно с опорой на соответствующие французские, немецкие, итальянские, голландские и иные первоисточники. К сожалению, авторы настоящего комментария не могут похвастаться столь широкими познаниями в названных иностранных языках. Доступные большинству авторов англоязычные компаративные источники, безусловно, помогают разобраться во многих вопросах права Великобритании, США, а также ряда ведущих европейских стран (благо сейчас выходит достаточно много англоязычной компаративной литературы о частном праве континентально-европейских стран), но их глубина и объем не позволяют представить на страницах настоящего комментария целостный обзор по всем сотням и тысячам острых проблем, которые проявляются при применении комментируемых норм ГК РФ. Фрагментарное же использование компаративной информации было признано нецелесообразным.

В связи с этим авторы ограничились ссылками на международные акты унификации частного права (Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Модельные правила европейского частного права и т.п.). Этот недостаток отчасти может быть компенсирован тем, что читатель, владеющий английским языком, может ознакомиться с подробным (более 4000 страниц) компаративным обзором, подготовленным недавно международным коллективом авторов Модельных правил европейского частного права и в значительной степени касающимся тех вопросов, которые затрагиваются в настоящем комментарии¹. Также остается надеяться, что в будущем в России удастся подготовить комментарий, основанный на более полном и глубоком компаративном анализе.

В-четвертых, авторы уделяли особое внимание новым нормам ГК РФ о сделках и их недействительности, представительстве и исковой давности, принятым в рамках реформы гражданского законодательства и вступившим в силу с 1 сентября 2013 г. Многие из этих норм вполне естественно порождают массу вопросов, которые авторы и попытались выявить в рамках комментария.

В-пятых, авторы не только выявляли проблемы в толковании норм ГК РФ, но и предлагали соответствующие их решения. К сожалению, формат комментария не предоставляет возможность приводить развернутую и подробную аргументацию. Поэтому во многих случаях читатель увидит только авторское видение, но не увидит детального обоснования. В то же время применительно к особо важным проблемам авторы представляют на суд читателя и краткое обоснование сделанного ими выбора.

В-шестых, многие из выявленных вопросов толкования норм ГК РФ достаточно сложно решить без проведения глубокого научного исследования. Поэтому читатель не должен удивляться тому, что в ряде мест комментария авторы вовсе воздержива-

¹ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / Ed. by Christian von Bar, Eric Clive and Hans Schulte-Nölke and Hugh Beale, Johnny Herre, Jérôme Huet, Matthias Storme, Stephen Swann, Paul Varul, Anna Veneziano and Fryderyk Zoll. Текст в свободном доступе можно найти по адресу: http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf.

ются от высказывания своего мнения или высказывают его достаточно осторожно, оговариваясь, что здесь представлено лишь предварительное суждение по вопросу, достойное дальнейшего анализа и обсуждения.

В-седьмых, коллектив авторов достаточно широк, что повлекло неизбежность согласования позиций по пересекающимся вопросам. Большинство из таких вопросов, по крайней мере по ключевым проблемам, удалось согласовать. Но внимательный читатель, возможно, сможет обнаружить некоторые частные разночтения в комментариях, подготовленных разными авторами.

В-восьмых, при написании комментария многие из авторов, включая меня как ответственного редактора, активно рецензировали тексты соавторов и выдвигали свои предложения по их оптимизации, многие из которых в итоге принимались. Но в конечном счете последнее слово оставалось за автором комментария к соответствующей статье.

Настоящая книга готовилась в период с января 2017 по декабрь 2017 г. и отражает текст ГК РФ и судебную практику по состоянию на конец декабря 2017 г.

В ходе написания комментария большую помощь своими замечаниями и критикой на проекты комментариев к некоторым статьям ГК РФ оказали, А.В. Агеев, С.С. Вилкин, С.А. Громов, О.В. Гутников, Э.А. Евстигнеев, А.В. Егоров, А.Ю. Зезекало, А.А. Кузнецов, а также многочисленные юристы, обсуждавшие некоторые фрагменты настоящего комментария, которые выкладывались для предварительного обсуждения на портале www.zakon.ru. Авторы настоящего комментария выражают им большую признательность.

Остается надеяться на то, что данная книга покажется российским юристам полезной и поможет лучше сориентироваться в море проблемных вопросов российского гражданского законодательства.

А.Г. Карапетов

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

КАД ВС РФ – Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации

КГД ВС РФ – Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

КЭС ВС РФ – Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

ЕГРП – Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним

ЕГРН – Единый государственный реестр недвижимости

ЕГРЮЛ – Единый государственный реестр юридических лиц

ФНП – Федеральная нотариальная палата

Венская конвенция 1980 г. – Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

Принципы УНИДРУА – Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (в редакции 2010 г.)

Модельные правила европейского частного права – Принципы, определения и модельные правила европейского частного права: Проект общей системы координат европейского частного права (изданы в 2009 г.)

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации

КТМ РФ – Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации

КВВТ РФ – Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Закон об АО – Закон об акционерных обществах

Закон об ООО – Закон об обществах с ограниченной ответственностью

Подраздел 4. СДЕЛКИ. РЕШЕНИЯ СОБРАНИЙ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Глава 9. СДЕЛКИ

§ 1. Понятие, виды и форма сделок

Статья 153. Понятие сделки

Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Комментарий

(а) Некоторые общие ремарки. Комментируемая норма дает определение одному из ключевых для гражданского права институтов — сделке. Это понятие имеет крайне важное практическое значение, так как отнесение того или иного феномена социальной реальности к данной категории влечет за собой применение целого набора включенных в ГК РФ общих правил о сделках (прежде всего о недействительности сделок, о форме сделок, об условных сделках и т.п.).

В реальной социальной жизни существует множество различных юридически значимых поведенческих актов (действий или бездействия) граждан и иных участников оборота. Каждый из таких актов обладает определенной спецификой, имеет свои цели и последствия. На протяжении многих столетий позитивное право эти поведенческие акты регулирует, вырабатывая наиболее справедливые и целесообразные правила. Формирование массива таких правил в отношении каждого из этих актов рано или поздно начинает подталкивать ученых к выводу о том, что многие из кажущихся адекватными в отношении каждого из таких актов правил оказываются одинаковыми. Одновременно все чаще обращается внимание на то, что многие юридически значимые поведенческие акты близки и схожи по своей сущности и функциям. Присущее людям представление о справедливости и равенстве восстает против разного разрешения по сути идентичных ситуаций. И в итоге во избежание неоправданной пестроты регулирования идентичных явлений, в целях упрощения процесса правоприменения и правопонимания, а также в связи со стремлением к системной согласованности и стройности позитивного права юридическое сообщество в первую очередь в лице ученых начинает формировать индуктивные обобщения и строить более абстрактные правовые понятия (деликт, договор, преступление, злоупотребление правом и т.п.).

На первых порах эти абстрактные правовые понятия, обнимающие собой ряд близких по своей природе юридически значимых актов, существуют и развиваются в науке, но постепенно они проникают и в само позитивное право. Вокруг этих признаваемых позитивным правом абстрактных понятий выстраивается массив общих правил, применимых в отношении любых из юридически значимых актов, которые попадают в их рамки. Это не исключает возможности выделения в позитивном праве и специальных норм, применимых к тем или иным поведенческим актам, обнимаемым соответствующим абстрактным правовым понятием¹.

Именно таким образом на определенном этапе развития этого нескончаемого процесса обобщения и систематизации позитивно-правового материала, догматического препарирования и расщепления всей пестроты социально-правовой реальности на отдельные категории в ряде стран и выделяется общее понятие «делка». Этим понятием стала обозначаться определенная группа юридически значимых поведенческих актов, играющая центральную роль в динамике правовых отношений в области гражданского права.

Ведущая роль в формировании этого понятия принадлежит немецким пандектистам XIX в. Российская наука гражданского права восприняла это понятие из немецкого права во второй половине XIX. Заимствовав понятие, российское право пошло дальше и сконструировало по примеру немецкого законодательства общее законодательное регулирование сделок (правила о форме сделки, недействительности сделки и т.п.), применимое как к договорам, так и к односторонним сделкам. В некоторых других странах, в которых общее понятие сделки также нередко известно, в национальных гражданских кодификациях «общая часть» регулирования сделок отсутствует, закон достаточно подробно регулирует вопросы формы и действительности договоров, а суды применяют данные правила с необходимыми адаптациями и к односторонним сделкам (например, Франция). Данный вопрос определения оптимальной модели регулирования сделок является вопросом правовой традиции. Нельзя с уверенностью сказать, что немецкий (а заодно и российский) подход в данном вопросе правильный, а французский – нет.

(б) Конвенциональность понятия сделки. Так что же такое сделка? На самом деле никакой сделки в реальной социальной жизни нет. Это обобщающее, абстрактное правовое понятие, изобретенное для обозначения крайне разнообразных реальных социальных обстоятельств (поведенческих актов). То, что попадает в рамки этого понятия, определяется не какими-то объективными научными законами, а просто общепринятой (конвенциональной) семантикой юридического языка. Иначе говоря, то, что юридическое сообщество считает целесообразным называть сделкой, и является сделкой. Определенное понимание сделки может быть более или менее удобным, задавая более или менее широкие рамки охвата соответствующих разнообразных юридических актов, но не может быть истинным или ложным в естественно-научном смысле. Главное, чтобы те общие правила, которые формируются в законе или в судебной практике в отношении понятия сделки, имели такое содержание,

¹ Примерно то же происходило и в отношении иных социально-правовых феноменов – не только юридически значимых действий, но и объектов и субъектов правоотношений, правовых состояний, самих типов правоотношений (ценная бумага, недвижимость, юридическое лицо, обязательство и т.п.).

что их применение к конкретным видам поведенческих актов, попадающим в рамки охвата этого понятия, давало бы справедливые и целесообразные результаты. Если этого не происходит и дедуктивное применение таких правил к конкретным поведенческим актам по своим последствиям неприемлемо, это говорит в пользу необходимости модификации понятия сделки за счет сужения его рамок. И наоборот, если данное понятие оставляет «за бортом» некоторые юридически значимые поведенческие акты, которые настолько близки тем, которые входят в рамки этого понятия, что применение к ним общих норм о сделке было бы крайне желательно, есть все основания расширять охват понятия сделки, дабы оно обняло и эти акты.

С учетом того что сами эти общие правила находятся в постоянном движении, развиваясь и модифицируясь, крайне сложно закрепить раз и навсегда четкое и бесспорное понятие сделки, а также исчерпывающим образом определить те явления социальной реальности, которые в рамки этого понятия входят, и те, которые к сделкам однозначно не относятся. В разных правовых порядках может быть принято свое конвенциональное понимание сделки и даны свои ответы на вопросы об отнесении к категории сделок различных правовых феноменов (например, признание долга, уведомление об уступке и т.п.).

Далее мы попытаемся сформулировать то, что кажется логичным понимать под сделкой в контексте российского права, но будем приводить читателя к искомому ответу постепенно, проводя через ряд логических и интерпретивных развилок. Это не вполне характерно для формата комментария, но кажется наиболее адекватным с учетом противоречивости и неоднозначности этого правового феномена. Сухо и кратко постулировать какие-то аксиомы в этой области правовой догматики вряд ли возможно.

(в) Юридические факты. Чтобы понять, что современное российское право относит к категории сделки, необходимо для начала подняться по лестнице правовых обобщений на несколько ступенек выше и обратиться к классификации юридических фактов.

Традиционно все факты социальной и физической реальности принято разделять на те, которые имеют какое-либо правовое значение (т.е. влекут возникновение тех или иных правовых последствий), и те, которые с правовой точки зрения никакого значения не имеют. Например, такие обстоятельства, как помощь родителей своему ребенку с уроками, ссора между друзьями или пасмурное утро, для права, как правило, безразличны, а причинение вреда жизни человека, ошибочное перечисление денег на счет незнакомого лица или оформление завещания порождают целый ряд серьезных правовых последствий. Соответственно, из всего многообразия социальных феноменов выделяются так называемые *юридические факты*, т.е. факты, имеющие правовые последствия.

Юридические факты, в свою очередь, могут быть разнообразны. Некоторые из них представляют собой *юридически значимые события*, т.е. обстоятельства, внешние по отношению к воле и поведению конкретных индивидов, в отношении которых данное обстоятельство будет влечь те или иные правовые последствия. Например, природный катаклизм может породить для сторон договора страхования наступление страхового случая и возникновение обязательства страховой компании по осуществлению страховой выплаты. На юридически значимые события

как на основание установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей прямо указывает подп. 9 п. 1 ст. 8 ГК РФ.

Другие же юридические факты представляют собой *юридически значимое поведение* конкретных индивидов, которое порождает те или иные правовые эффекты для этих, а иногда и иных лиц. При этом надо учитывать, что некоторые события являются следствием или слагаются из поведения множества различных индивидов. Так, например, участие в массовых беспорядках, безусловно, является поведенческим актом со стороны конкретного лица и может влечь для него определенные правовые последствия (например уголовную ответственность), но сам факт возникновения массовых беспорядков по отношению к третьим лицам может квалифицироваться как событие. Например, для сторон некоего договора массовые беспорядки могут являться юридически значимым событием, обстоятельством непреодолимой силы и влечь освобождение одной из сторон от договорной ответственности.

Никто не будет спорить с тем, что *делка — это не событие, а поведенческий акт, затрагивающий права или обязанности лица, такой акт совершающего, и (или) иного лица (лиц), в отношении которого такой акт направлен*. Но этого отнюдь не достаточно, чтобы определить понятие сделки.

(г) Гражданско-правовые последствия. Если сконцентрироваться на юридически значимых поведенческих актах, то их классификация может осуществляться по ряду разнородных классификационных критериев. Для наших целей в первую очередь важно выделить те поведенческие акты, которые влекут правовые последствия в области гражданского права. Согласно комментируемой норме *делка — это тот юридический факт, который влечет возникновение, изменение или прекращение именно гражданских прав и обязанностей*.

Множество поведенческих актов влечет как гражданско-правовые последствия, так и последствия в области иных отраслей права. Так, например, кража может квалифицироваться с точки зрения уголовного права как преступление, но одновременно влечь и гражданско-правовые последствия (например, в виде деликтной ответственности), а продажа магазином спиртного в ночные часы вопреки установленным ограничениям являться одновременно как сделкой, так и административным правонарушением со стороны магазина. Если поведенческий акт не влечет гражданско-правовых последствий, к сделкам он точно не относится. Соответственно, в науке не вызывает никаких сомнений тот факт, что *делка — это поведенческий акт, имеющий исключительно или в том числе гражданско-правовые последствия*.

Корректна ли буква закона, устанавливающая в качестве правовых последствий сделки установление, изменение или прекращение гражданских *прав или обязанностей*? Думается, что данный перечень следует понимать расширительно. Некоторые сделки могут устанавливать такие правовые эффекты гражданско-правового характера, которые могут быть втиснуты в эту триаду не без труда. Так, например, в рамочном договоре может быть предусмотрено, что в дальнейшем молчание стороны в ответ на поступающие оферты будет расцениваться как согласие (п. 2 ст. 438 ГК РФ). Другой пример — соглашение о применимом праве.

Кроме того, безусловно, в центре гражданско-правового регулирования располагаются права и обязанности имущественного содержания. Но гражданское законодательство регулирует не только имущественные, но и некоторые личные

неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Можно выделить немало различных поведенческих актов людей, которые влекут гражданско-правовые последствия неимущественного характера. Например, можно привести согласие гражданина на использование его изображения (п. 1 ст. 152.1 ГК РФ), согласие гражданина на сбор, хранение, распространение и использование иной конфиденциальной информации о его частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ), раскрытие автором произведения, опубликованного под псевдонимом, своей личности и заявление о своем авторстве (п. 2 ст. 1265 ГК РФ), согласие автора произведения на внесение в его произведение сокращений, изменений или дополнений (ст. 1266 ГК РФ), заранее данное согласие потерпевшего на причинение ему вреда, освобождающее причинителя вреда от ответственности (п. 3 ст. 1064 ГК РФ).

Некоторые из подобных актов уже признавались в практике высших судов сделками. Так, например, согласие гражданина на обнародование и использование своего изображения прямо признано сделкой в п. 46 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25. По некоторым другим однозначная практика еще не сложилась.

Кроме того, если помнить об историческом единстве гражданского, семейного и трудового права и некоторой условности разделения этих частноправовых отраслей права (которые далеко не во всех странах столь жестко разделены), можно допустить применение ряда норм о сделках к некоторым поведенческим актам, влекущим правовые последствия из области семейного или трудового права.

Применение правил о недействительности сделок к брачным договорам прямо допущено ст. 44 СК РФ. Нет причин возражать против возможности поставить брачный договор или отдельные его положения под отлагательное или отменительное условие по правилам ст. 157 ГК РФ. То же можно сказать и о соглашениях об уплате алиментов и о разделе имущества, нажитого во время брака. Гражданско-правовой характер таких актов очевиден, так как они устанавливают, изменяют или прекращают права и обязанности имущественного содержания, регулированием которых гражданское право прежде всего и занимается. Несколько сложнее с вопросом о применении правил о сделках к соглашению о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (ст. 66 СК РФ), соглашению о проживании детей при разводе (п. 1 ст. 24 СК РФ) и иным подобным актам в области семейного права, которые не имеют имущественного содержания. Думается, здесь применение правил о сделках также возможно, но избирательно и в порядке аналогии закона. Например, нельзя исключать того, что некоторые нормы о недействительности сделок могут быть применены к таким соглашениям (например, об оспаривании сделок, совершенных в результате обмана, насилия и т.п.).

Аналогичная ситуация и с трудовыми договорами, увольнениями и другими актами в области трудового права. Избирательное и субсидиарное применение к ним норм о гражданско-правовых сделках возможно как минимум по аналогии закона. Например, вполне допустимо оспаривание договора с топ-менеджером компании, который предусматривает выплату значительной компенсации на случай досрочного расторжения трудового договора, по некоторым составам недействительности сделок.

Более того, к некоторым поведенческим актам, влекущим не частноправовые, а иные правовые последствия, некоторые нормы о сделках также могут с осторожностью применяться в рамках межотраслевой аналогии закона. Это, например, справедливо в отношении договоров о создании консолидированной группы налогоплательщиков (ст. 25.3 НК РФ). Нормы ГК РФ о доверенностях и представительстве в целом могут subsidiarily применяться к доверенности на судебное представительство (или представление интересов компании или физического лица в государственных органах) и самим отношениям по такому представительству при посредничестве во взаимодействии частных лиц с государством, несмотря на то что речь в данном случае о предоставлении полномочий гражданско-правового характера не идет. Многие нормы о сделках могут применяться к соглашению о подсудности или третейским соглашениям, несмотря на то что такие соглашения порождают прежде всего процессуальные, а не материально-правовые последствия (подробнее см. п. «у» комментария к настоящей статье). Некоторые правила о сделках, видимо, могут применяться и к ряду процессуальных действий (соглашение о фактах, отказ от иска, признание иска и т.п.). Примеры можно продолжать.

Суды действительно начинают применять отдельные нормы о гражданско-правовых сделках к похожим явлениям в области иных отраслей права. В качестве примера можно привести легализацию ВАС РФ возможности оспаривания трудового договора, отказа от иска или признания иска на основании правил о крупных сделках и сделках с заинтересованностью (п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28).

Вопрос о том, какие нормы о сделках и в каких случаях могут применяться напрямую (в силу сделочной квалификации соответствующего акта) или по аналогии закона к различным поведенческим актам, влекущим не сугубо гражданско-правовые последствия, должен решаться в каждом конкретном случае.

(д) Юридически значимое бездействие. Но также очевидно, что далеко не всякий поведенческий акт, влекущий те или иные гражданско-правовые последствия, будет сделкой.

Часто сделки относят к категории юридических действий. Это действительно следует из определения сделки в комментируемой норме. Более того, в подавляющем числе случаев сделка предстает именно в форме активного действия (прямого волеизъявления или некоего конклюдентного действия). Но российский закон прямо говорит о том, что сделкой может быть и бездействие, если на то имеется указание в законе или ранее заключенном договоре (п. 3 ст. 158 ГК РФ, п. 2 ст. 438 ГК РФ). Так, например, в силу ст. 415 ГК РФ молчание должника, получившего уведомление о прощении долга, расценивается как его согласие с таким правовым эффектом, а в договорах аренды и некоторых иных договорах часто встречаются условия об автоматической пролонгации договора при отсутствии возражений против этого любой из сторон, выраженных до окончания изначально согласованного срока. Более того, п. 2 ст. 438 ГК РФ допускает признание бездействия (молчания) в качестве акцепта также и в случаях, когда это следует из обычаев или сложившейся практики взаимоотношений сторон.

Соответственно, было бы не совсем корректно вслед за многими учеными относить сделки к подкатегории юридически значимых действий. Иначе говоря, путем